

мальчик сидит на печке и с интересом наблюдает за нами. За чаепитием я записываю нашу беседу. Хозяин рассказывает о жизни лесорубов. Записываем от него и предания о заселении края. Он знает о местах, где, по рассказам стариков, плавил руду. Время за полночь. Когда мы с Алекси возвращаемся, в нашем доме все уже спят. Мы идем в свой закуток и до света разговариваем. Мы знаем, что завтра наши пути разойдутся на неведомо долгое время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ П. Лааксонен, будущий директор фольклорного архива Общества финской литературы (SKS) в Хельсинки, в 1973–1974 гг. одним из первых финских исследователей-гуманитариев в послевоенный период совершил две длительных экспедиционных поездки в среднюю Карелию, где работала экспедиция Института ЯЛИ Карельского филиала АН СССР. Результатом многолетних полевых исследований стали две коллективные монографии «Духовная культура сегозерских карел» (Л., 1980) и «Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел» (Л., 1981).

² П. Лааксонен в начале своей научной карьеры занимался цыганами Финляндии.

³ Карельские названия деревень даны в финской транскрипции.

⁴ Здесь П. Лааксонен имеет в виду знаменитый высокоурожайный и прекрасно хранящийся синий сорт картофеля (с темно-синей или сине-красной кожурой) с большим количеством крахмала, распространенный в те годы по всему Сегозерью и встречающийся до сих пор в некоторых местностях на севере Карелии и Финляндии.

⁵ П. Виртаранта, языковед, впоследствии академик, известный собиратель, автор многих уникальных работ по карельской народной культуре.

⁶ Магическое «поднятие лемби» – славуности, т. е. сексуальной привлекательности девушек, при помощи заговоров в бане.

А. П. Конкка

В ВЕРХОВЬЯХ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ. КОТЛАССКИЙ ДНЕВНИК

Приглашение отправиться на восточную окраину Архангельской области в Котласский и Вилеготский районы от уроженца тех мест и спонсора будущей поездки Андрея Побежимова поступило мне весной 2007 г. У каждого из нас были свои интересы. Андрея, помимо ностальгической поездки в родные края и посещения родственников, многих из которых он не видел уже почти 30 лет, интересовала местная топонимика и исторические предания, меня, прежде всего, всякого рода почитаемые места, где могли бы обнаружиться карсикко, или,

как его называют в некоторых архангельских говорах, — *залази*, т. е. обработанные при помощи топора деревья-знаки, традиция, которая в зоне северных таежных лесов уходит в глубокую древность¹.

3 июля 2007 г.

После почти двух дней и двух ночей пути на поездах от Петрозаводска до Котласа, торжественной встречи на вокзале и короткого знакомства с городом, отправляемся на место нашего проживания в десяти км от Котласа, в с. *Шипицыно* (*шипичей* здесь называют шиповник), к Лидии Дмитриевны Абакумовой, родившейся в 1937 г., родственницы Андрея Побезимова. Запомнились первые шанги тети Лиды, как ее все называли, которыми лакомились сразу по приезде. Они имели для меня (после карельских) несколько необычный, но настоящий деревенский вкус, связанный с естественностью ингредиентов. Такого продукта в городе никогда не найдешь. Еще один показатель — сытность. Если наешься деревенской выпечки, то зарядишься на несколько часов активной деятельности. Так, если ты утром съел три шанги с молоком, то до обеда можешь о пище даже не вспомнить.

Шипицыно представляет собой поселок с населением около 2000 человек, большей частью состоящий из обычных деревенских частных домов, в центре же его, вдоль берега Шипицынского поля (рукав Северной Двины) располагается около 20 двухэтажных типовых стандартных деревянных домов, которые на Севере стали строить по одному проекту где-то с 1950-х гг. В этом же массиве, прямо напротив дома Лидии Дмитриевны, стоит здание из силикатного кирпича — местная котельная для отопления двухэтажных домов, пожалуй, единственное в округе кирпичное строение. Где-то здесь в свое время была запань и происходила сплотка бревен, которые уходили вниз по С. Двине на лесозаводы в районе Архангельска. Помимо того, в Шипицыно были нижние склады леспромхоза. Тогда была работа для всех, да и река была другой. Местное население жалуется, что в последнее время река сильно обмелела и пассажирское движение теплоходов прекратилось. При проезде по современному мосту через С. Двину близ Котласа (мост, кстати, тоже называют в числе виновников прекращения пассажирского судоходства) неоднократно заходил разговор об обмелении реки, и с моста были видны обширные песчаные берега с островами низкой зелени — прежнее русло, недавно еще покрытое водой пространство. Что же касается пассажирских пароходов, то, думается, они все-таки пропали не только и не столько в связи с обмелением реки, а по большей части из-за строительства дорог, по которым нынче возят и лес и людей, да и все остальное. Тем не менее если посмотреть из окна шипицынского дома влево, то в створе поля видна сама река, по которой время от времени проходят речные катера и небольшие суда, т. е. река еще работает. Рыба в реке пока еще

тоже есть: рассказывали, что ловится стерлядь, сиг, судак, густера (наподобие крупной плотвы), лещ, язь, окунь и щука. Правда, сам не ловил и сколько этой рыбы в реке – не берусь судить. Если река мелеет, то рыбы неизбежно становится меньше.

Дома стоят на взгорье, на яру над рекой и поэтому вид из окна второго этажа, из тетилидиной квартиры, почти величественный: перед окнами несколько больших берез, а внизу разлив поля шириной под 100 м, над ним заросли противоположного берега, а еще выше и дальше угадывается пустота широкой дельты Северной Двины, за которым на возвышении, уже на горизонте, очертания северной промышленной окраины Котласа, собственно, две-три коробки, достаточно больших, чтобы быть видными за десять километров. Кстати, они на таком удалении не создают впечатления промышленного пейзажа, скорее выглядят как дополнение к природному пейзажу в стиле модерн.

4 июля

Сегодня состоялась поездка в *Туровец* (в 10 км от Шипицыно на север), а также посетили находящиеся в том же направлении с. *Комарица* (8 км от Туровца), д. *Сухой Бор* (5 км от Туровца), наблюдали д. *Чернечку* (рядом с Сухим Бором) и д. *Печерино*.

Врата храма Богородицы Одигитрия в Туровце

Фото А. Конкка, 2007 г.

Туровец – это старинное, вероятнее всего, древнее священное или святое место, а вернее сказать, целый сакральный комплекс, в который входят церковь XVII в. с явленной часовней Богородицы на горе, новая часовня на другой горе на месте старой часовни XVI в., уничтоженной в 1970-е гг., крест памяти Богородицы Одигитрия, Святой источник, Святой ручей, в котором купаются на Конную в июле или августе, а также на Крещение, вырубая крест во льду. Помимо того, в Святом ручье летом в разное время купаются паломники и гости (положено купаться без одежды, три раза переворачиваясь в воде вокруг своей оси). Особо стоит подчеркнуть, что священные объекты (помимо источника и ручья) находятся на довольно высокой горе, откуда открываются прекрасные виды на окрестности (достаточно равнинные). Рядом с горой в направлении течения ручья озеро (их не так много в тех краях). Ко всему прочему вся гора покрыта густым, по большей части старым хвойным лесом с преобладанием ели. Около церкви (собственно говоря, их две – летняя и зимняя) находится небольшое кладбище, причем рядом с зимней церковью, с восточной ее стороны, захоронен причт. С северной стороны летней церкви (по дороге к часовне) кладбище побольше, различается около 15 могил, причем десяток их в ухоженном состоянии с фотографиями на памятниках, выкрашенными оградами и пр. Надгробное сооружение одной из могил представляет собой четыре столба по углам могилы, на которые опирается четырехскатная, крытая жостью и выкрашенная в зеленый цвет крыша. Все сооружение высотой около 180 см. Под этим покосившимся квадратным навесом находим только несколько среднего размера (около 15 см в поперечнике) выложенных полукругами камней. Но помимо небольшого кладбища у церкви, не доезжая метров 100 до церкви, на юго-запад от них находилось большое приходское кладбище чуть не полкилометра длиной, где и у шипицынских были похоронены родственники. В этих местах, похоже, старая система была ориентирована на погосты. В больших деревьях, да и в деревьях побольше, если в них не было церкви, мы нигде не видели кладбищ.

Если перечислить еще раз «составные части» святилища, то получится следующий ряд: церковь (2), часовня, поклонный крест со следами почитания дерева (возможно, место обретения явленной иконы, см. ниже), кладбище (2), гора или гряда с вековым лесом на ней, источник, ручей, огибающий гряду с ее внешней стороны, и озеро. Итак: *озеро, ручей, родник, гора, крест (дерево), кладбище, явленная икона, часовня, церковь*.

По некоторым, позднее полученным, непроверенным сведениям, на Туровце в новгородское время была крепость. И, кстати, ничего удивительного, если окажется, что когда-то в чудское время здесь

было городище. Судя по Поволжью, древние городища, могильники и святые места (например, священные рощи) соседствуют очень часто. Преемственность сохраняется.

С западной и восточной сторон церковей сохранилось несколько больших и старых тополей высотой более 30 м. Все их нижние ветви обрезаны почти у ствола. Вероятнее всего, это превентивные меры, связанные с обламыванием ветвей во время бури (рядом с кладбищем спилено несколько елей, обломанных ветром, что неудивительно для опушки леса на краю горы). Между двумя церквями от северной стороны зимней до восточной стороны летней наискось находится ряд из четырех пней от таких же, как и вышеописанные тополя, причем пни большого размера, до 3 м в обхвате. Пни довольно свежие и, вероятно, связаны с бушевавшей здесь бурей, после которой решили избавиться от опасного соседства тополей внутри церковного двора. Отметим только, что на Севере Европы (в частности, в Карелии и Эстонии) известны почитаемые осиновые рощи и группы осин, которые сохранялись еще в послевоенные годы. Насколько туровецкие тополя можно причислить к этой традиции (тополь близкий родственник осины), сказать не берусь, для этого нужны дополнительные сведения.

Справа от летней церкви начинается тропа вниз, ведущая на берег Святого ручья. По местной легенде Богородица здесь спускалась к ручью, а потом поднималась к часовне на горе. Все паломники и туристы идут именно этим путем. На половине пути встречается святой источник, над которым сделана часовенка. На тропе на елках встретилось что-то наподобие затесов. Тропа подходит к довольно широкому ручью и идет некоторое время вдоль его правого берега навстречу течению. Место живописное, в наше посещение все берега были усыпаны цветущим шиповником. В месте, где ручей ближе всего подходит к откосу горы, стоит скамейка и на берегу сделаны из досок две купальни с учетом низкой и высокой воды: одну площадку из досок полностью скрывала вода, вторую же можно было использовать для умывания, не замочив ног. Обычно в таких местах следует если не выкупаться целиком, то, по крайней мере, омыть лицо и ноги.

От ручья тропа идет круто вверх и направо (именно здесь, по преданию, наверх поднималась Богородица) на гребень гряды, по которой идет дорога от церкви к часовне. Это место представляет собой впадину или своего рода седловину, самое низкое место между церковью и часовней. Здесь с левой стороны лицом к тропе стоит крест из одного дерева, причем основание креста по рассказам – некогда росшее здесь и высохшее на корню дерево (возможно, так и было, хотя на данном этапе крест кажется

довольно новым). На кресте маленькая иконка, а у основания возвышения, на котором стоит крест, в песке сделан «подкоп». Такую же традицию – делать под корнями деревьев на почитаемом месте углубления для жертвоприношений – я наблюдал в Марий Эл. Под крестом и корнями в «подкопе» разбросаны монеты.

На другой стороне «седловины» видна тропа, спускающаяся в низину внутри полукружия гряды. В десятке метров от основной дороги и в 15-ти от креста у спускающейся вниз (в направлении примерно на запад) тропы, с правой, северной ее стороны стояла группа деревьев постарше. Особо выделялись сосны с искривленными вершинами, которые сразу вызвали у меня ощущение близкой «добычи». По веткам нельзя было с уверенностью сказать, что это карсикко, так как у одной из сосен между выросших вверх боковых веток (заменивших вершину) из ствола торчала прекрасно сохранившаяся засохшая вершина, а обрубленные ветки, если они и обрубались, позже, изменив свою форму, продолжали расти дальше и засохшие обрубленные места отвалились от стволов. Такое бывает, особенно если дерево обрубалось в молодом возрасте. Не всегда существуют явные, «неопровержимые» следы деятельности человека, тем более что влияют и естественные факторы, изменяющие форму дерева. Однако сомнения рассеялись, когда мы подошли вплотную к дереву: снизу на сосне по направлению к кресту красовались две больших, сантиметров по 50–60, затески одна над другой. У соседней ели снизу были обрублены ветки. Позднее, уже рассматривая фотографии, я понял причину моих сомнений относительно вершины сосны: она находилась достаточно высоко и снизу не было видно, что, оказывается, на протяжении около 15 см в месте соединения вершины со стволом поверхность верхушки некогда была окорена вкруговую и этого было достаточно, чтобы тонкая вершинка высохла, но ниже ствол дерева был здоровый и боковые ветви стали расти вверх, заменив собой высохшую верхушку, поэтому у дерева и образовалась такая нестандартная форма. На фотографии, на некотором удалении от дерева и с более высокой точки окоренное место было хорошо видно. Таким образом, сосна оказалась сосной-карсикко с затесами на стволе и обрезанной (высушенной) вершиной, первым по счету в этой поездке ритуальным деревом-знаком. Дальше – больше. На старых деревьях у часовни (как на елях, так и на соснах) нашлось несколько полужаросших зарубок, ветки их наверху также имели нестандартную форму и, видимо, когда-то испытали воздействие извне. Прогулявшись по тропе, идущей по гребню гряды мимо часовни, около 200 м, обнаружил три явных старых затеса на деревьях. Похоже, можно было сказать, что традиция карсикко налицо. Откуда такая уверенность? Дело в том, что традиционно на кладбищах и других почитаемых местах, представляющих собой рощи, существовал запрет рубки деревьев. Обрубать ветки или делать зарубки на стволах было некогда запрещено под угрозой неминуемого увечья или болезни, о чем во

многих местах рассказывают множество быличек и преданий. На практике это отношение к рощам сохраняется до сих пор. Когда же мы в таких священных или особо охраняемых рощах находим явные следы обрубания деревьев, знаки

**Сосна-залазь с окоренной и высохшей
вершиной напротив креста Богородицы
в Туровце**

Фото А. Конкка, 2007 г.

на стволах, сделанные топором или вырезанные ножом, которым десятки, а в некоторых случаях и сотни лет (например, вырубленные в стволах деревьев знаки в Лапландии и на Крайнем Севере, где деревья живут и сохраняются уже в виде сухостоя очень долго), то ничего иного, кроме сознательной «порчи» деревьев, а иными словами обрядового, ритуального действия, связанного с вырубанием деревьев-знаков, предположить невозможно. Такое действие есть ритуальное нарушение общего запрета. «Порча» деревьев в этих случаях обусловлена обрядовой ситуацией (похоронами, жертвоприношением и пр.) и связана с представлениями об особо отмеченном дереве как связующем мосте между мирами, служившее инструментом для этого сверхъестественного контакта.

На стене часовни висела картонная табличка с надписью:

«Людская память из поколения в поколение передает удивительное сказание о том, что на этой горе явилась Пресвятая Богородица, освятив своим явлением это благодатное место, оставив после себя образ Пресвятой Богородицы „Одигитрия“. Во времена Иоанна Грозного, в лето 1533 г. однодневно была поставлена церковь на явленном месте. В 1645 г. церковь сгорела; позже на том месте была построена часовня. В 1970 г. в ночное время злыми людьми часовня была распилена и сброшена вниз по горе. Трудami и заботами протоиерея Василия Яворского, общими усилиями церкви и прихожан в 1996 г. была построена новая часовня. Очень многие издавна почитают Туровец. Паломники со всех краев стремятся попасть сюда, в сказочно красивое и поистине святое место».

С последним предложением следует несомненно согласиться. Нам повезло с погодой, и Туровец со своими удивительными церквями и лесами был залит солнцем. Солнце пробивалось даже на кладбище, которое представляло собой сосновый бор на ровном песчаном месте. По пути домой остановились, чтобы посетить могилу мужа Лидии Дмитриевны Николая Алексеевича Абакумова (1934–1987). Прямо у самой автомобильной дороги при входе на кладбище (ограды не было) стояла довольно высокая сосна. Снизу ствол ее описывал дугу. Присмотревшись, я понял, что вершина и один из двух толстых ветвей дерева были обрублены и оставлена только одна, которая, изогнувшись и вытянувшись вверх, создала новую вершину дерева. Другие нижние ветки этого «сооружения» были обрезаны, от них на стволе остались только небольшие комли.

Причастившись к стопке и вкусной закуске в честь безвременно ушедшего Н. А. и сфотографировав родственников на могиле, отправился нарезать круги по кладбищу. Невдалеке от могилы Н. А. была видна длинная, частично заросшая затеска (около 1,20 м). Затесов на соснах было около двадцати, причем почти все походили на эту: длиной от метра и более, шириной от 10 до 20 см, некоторые начинались сразу от земли. Встретилась и парочка более коротких затесов длиной 40–50 см, сделанных на уровне груди человека. Но самые «главные» затесы обнаружились на противоположном от основной автомобильной дороги въезде. Вокруг идущей из леса и заканчивающейся на кладбище дороги я увидел четыре крупных затеса. Некоторые из них начинались почти у самой земли и достигали высоты 1,60–1,70 м. Два из них были совершенно свежими и издавала привлекали взгляд желтизной древесины. Они находились с левой, восточной или северо-восточной, стороны дороги. У одного из деревьев была стесана примерно треть ствола. К ней топор прикладывался неоднократно, поэтому это был не «классический» затес с ровной поверхностью, а просто многократно под разными углами изрубленное дерево. Напротив, на другой стороне дороги (как те, так и другие затесы были сделаны на «кладбищенской» стороне стволов) на стоящих в полутора метрах друг от друга соснах были более ровные, находящиеся на высоте около метра от земли, но достаточно глубокие затесы, уже не желтого, а серого цвета с побелевшими подтеками смолы по сторонам. Эти затесы были сделаны гораздо раньше, и несколько лет их поверхность никто не трогал. Вероятнее всего, перекресток (за которым находилось еще несколько рядов более новых могил) был еще десяток лет назад границей территории кладбища и затесы делались (как во многих местах в той же Карелии) при входе на кладбище, но и сейчас кто-то из похоронной процессии, отправляясь с кладбища, по старой традиции делал топором пометку на дереве.

Зарубки на стволах сосен на старой границе приходского кладбища в Туровце
Фото А. Конкка, 2007 г.

На деревьях, как и положено на кладбище, нашлось много всякой всячины. Прежде всего, это были венки, как современные каркасные, так и сделанные из перекрученных еловых ветвей. Помимо венков в развилке одной из сосен на высоте около 2 м обнаружился голик для подметания могилы, на других деревьях – всякий скарб от ведер до банок. Одну из сосен опоясывал белый полиэтиленовый пакет, на сучке другой в 2,5 м над землей был привязан белый лоскут материи. В другом месте примерно в 2 м от земли на суку сосны висел синий кусок плотной материи, по размеру подходящий для салфетки или скатерти для стола около могилы. Недалеко от нашей компании, где-то посредине кладбища, у могилы была воткнута полуметровая жердь, конец которой был обернут белым куском материи, будто на жердь был одет какой-нибудь древний женский головной убор. Конец жерди был полностью обернут тканью и поверх ее концы материи перехватывали жердь поперек. Они с одной стороны жерди были завязаны узлом и свешивались к земле. Длина висящих концов составляла около 25–30 см.

Кладбище выглядело абсолютно современным, большинство надгробных памятников представляли собой могильные холмы, обложенные кирпичной кладкой или камнем. На некоторых могилах были видны высокие железные «ящики». Много было железных крестов и «тумбочек», а также бетонных плит с вделанными в них фотографиями. Почти не было деревянных крестов, встретились только парочка крестов с «крышей». Вероятнее всего, имевшиеся заменили на современные каменные и железные сооружения, так как иногда деревянные кресты встречались повешенными на дерево. Таким был и временный (поставленный в день похорон) крест из реек, повешенный на дерево примерно в 3 м от земли. Старые кресты встречались и привязанными к деревьям. Это были свидетельства традиции, по которой с кладбища ничего не выносили, тем более крестов. Однако деревянных крестов на деревьях или в их основаниях было немного. Как бы там ни было, несмотря на обилие камня и железа, мода возвращается. Совершенно новый деревянный трехметровый крест на краю кладбища в семейной ограде был с «крышей» и художественно вырезанным охлупнем.

Подавляющим цветом на кладбище был синий. Синими или голубыми были ограды, кресты, бетонные и железные памятники. Помимо упомянутой выше синей ткани на дереве, предположительно скатерти, на трех деревьях затесы были полностью или частично покрашены синей краской. На одной из сосен на высоте около 2,5 м был синей краской нарисован видный издалика простой крест из двух линий. Следующим по числу покрашенных в него оград и памятников был серый, или, правильнее сказать, серебристый, который во многих случаях уже превратился в серый или светло-серый. Серебрянкой чаще всего красились новые железные памятники и кресты, деревянные же были покрашены преимущественно в синий цвет. Помимо синего встретилось две ограды, покрашенные в зеленый цвет, а также могила, вокруг которой все было желтым: ящик на могиле, стол, скамья и ограда. Красный или кирпичный цвет встретился только раз – на одной из могил красным были покрашены круглые набалдашники, венчающие куски труб, стоящие по углам железной ограды. В конечном счете набор использованных цветов оказался вполне «классическим»: в основном синий, но с краплениями желтого и красного. Такой набор цветов, например, из последних исследуемых районов Карелии почти повсюду в Поморье, на Выгозере и Сумозере, где цвета на кладбище находили свое соответствие в раскрасках фронтонов домов и интерьерах изб.

До с. Комарица в 8 км от Туровца пришлось, уже в виду церкви, которая поднималась среди полей своей остроконечной колокольной, как огромная ель, добираться пешком. «Жучку» освободили от лишнего веса на глинистой ухабистой, залитой водой дороге. Но погода позволяла

прогуляться, что мы с удовольствием, возглавляемые Лидией Дмитриевой, и сделали.

Большая, полуразрушенная каменная церковь с хорошо тем не менее сохранившимися стенами указывала на наличие в прошлом значительно-го погоста. Своей алтарной частью церковь выходила на Северную Двину. До постройки моста через Двину в районе Котласа здесь была большая пристань и такая же запань для сплотки бревен, как в Шипицыно.

Побывали внутри церкви, залезали наверх, на второй этаж, по очень крутой кирпичной лестнице. В верхних залах обнаружили остатки росписей и фресок на стенах. Многие отдельные их части удивительно хорошо сохранились. Обломки кирпичей от этой церкви, по рассказу Л. Д., используют в магических целях. Чтобы добиться любви супруга или супружницы (видимо, и верности тоже), следует кирпичную крошку растереть и растворить в воде, которой тайно обмыть супруга, не раскрывая секрета.

К северу от церкви, ближе к берегу реки, находится роща из десятка толстых старых лиственных деревьев, напоминающих вязы, на большинстве которых обнаружены крупные затесы – некоторые высотой в человеческий рост. Почти на всех затесах обнаружены следы огня. Затесы, как правило, делались, начиная от самого комля дерева, т. е. от земли. На одном дереве могло быть несколько затесов. Под крайним с севера, последним деревом рощи, с его левой, северной, стороны обнаружились человеческие кости без черепов. Эти кости, по рассказам Л. Д., весенним половодьем намыло из бывшего прибрежного кладбища, находившегося здесь же, при церкви. Таким образом, деревья стояли на краю бывшего приходского кладбища. Отсюда до берега реки было метров 60–80 по прямой.

Посредине лугов и полей, в 5 км от Туровца, находилась д. Сухой Бор, рядом с которой действительно стоял массив высокого хвойного и, скорее всего, соснового леса, видного за несколько км на этом безлесном пространстве. Мои сотоварищи зашли в крайний дом и поговорили с хозяйкой Валентиной Пошовой о соседних деревнях и о роде Кузнецовых, из которого происходили сами. Кузнецовы жили в соседней с Сухим Бором д. Чернечка. О Кузнецовых известно, в частности, то, что один из местных Кузнецовых дослужился до адмирала и был впоследствии командующим всего Военно-морского флота. Пока на крыльце происходила беседа с В. П., я побывал в избе и сфотографировал некоторые детали интерьера и печь, на которой сохранились полати, а в кухне – филигранный посудный шкаф.

Внутри населенных пунктов, в частности в д. Печерино, куда заезжали в магазин, кое-где среди домов стояли большие хвойные деревья со следами обрубания ветвей.

5 июля

В этот день состоялась поездка в вотчину Строгановых, г. *Сольвычегодск*, до которого из Котласа было всего около 50 км. Помимо знакомства с окрестностями и местными церквями из них одна представляла собой музей Строгановых, которых, судя по родословному древу, был вагон и маленькая тележка, побывали на местном кладбище, где работы хватило бы еще на пару дней. Однако с погодой в очередной раз повезло (грозы, как и положено в июле, бывали, но обычно в ночное время, из всех дней был лишь один, когда с утра шел дождь, но к обеду опять светило солнце). Город был основан новгородцами и суздальцами во второй половине XV в., первое упоминание в летописи – 1492 г. Так говорят музейные описания. Соль и путь в Сибирь в XV–XVII вв. превратило Сольвычегодск в торговый и ремесленный центр.

Р. Гладышев, Л. Д. Абакумова (тетя Лида) и А. Побежимов у соляного источника в г. Сольвычегодске
Фото А. Конкка, 2007 г.

Я стоял на берегу реки Вычегды, которая и была тем самым путем в Сибирь, и здоровался с рекой по северной традиции. Здравствуй! Я снова (после двух лет – 2000 и 2001-го) оказался на твоих берегах, правда, здесь уже неузнаваемых. Вряд ли можно было в туманной утренней дымке, сквозь которую пробивался силуэт Благовещенского собора на другом берегу, узнать песчаные отмели Верхней Вычегды с прозрачной водой и

склоняющимися над ними свечками елей, берега с одетыми в белое сенокосцами у своих избушек, машущими нашей лодке руками, и ни с чем не сравнимое водное лоно, куда падаешь после многочасового стогования и, кажется, что никакими клещами тебя уже оттуда не вытащить, не заставить снова родиться на этот комариный свет.

Да, здесь все было другим, но выступающие из тумана купола были дивно хороши. Если бы я был акварелист, то, несомненно, попробовал бы ухватить эти струящиеся силуэты, отразить их на бумаге, пропустив тот паром, на котором мы двинулись навстречу Благовещенью. Простор здесь просто захлестывает. Это воистину речная страна, страна больших рек и больших равнин.

Для начала посетили окрестности Введенского собора XVII в. (сам собор был закрыт). Четырехэтажная красно-белая громадина собора (куб, поставленный на четырехугольник с приделами) о четырех голубых главках была вся буквально напичкана лепниной: арками, балкончиками, колоннами, наличниками, как будто полотенечными подзорами. Внутри она, по слухам, была еще богаче изукрашена. Русское барокко петровских времен. Похоже, деньги у заказчиков действительно были. Недалеко от церкви стояла деревянная башенка, как впоследствии оказалось, довольно старая, рядом с которой было что-то наподобие фонтанного резервуара. Из башенки по шлангу в резервуар текла чистейшая на вид, но очень соленая на вкус вода. Это и были знаменитые соляные источники Строгановых, на них они и сделали свое начальное состояние. В центре города образовалось целое соленое озеро, из воды можно беспрепятственно вываривать соль хоть сейчас.

Увлекаемые Л. Д., мы направились обходить собор. У одной из стен обнаружили пять свежих крестов, а на одном из них выгравированную на дюралевой табличке надпись: «Сии пять крестов знаменуют место погребения святых блаженных Христа ради юродивых Фомы, Иродиона, Михаила, Иоанна и Василия Сольвычегодских до и после 1669 г. Память 3/16 июля».

Город Сольвычегодск и сейчас в основе своей деревянный (есть несколько старых каменных купеческих домов, видели даже неоклассический «столичный» дом XIX в. с фронтонами, колоннами и огромными арочными окнами), из которого вырастают громады церквей. Их несколько. Одна из них, гораздо хуже сохранившаяся, чем Введенский собор, а именно каменная Спасообыденная церковь (первоначальная деревянная церковь была выстроена за один день – 16 августа 1571 г. – в избавление от мора, как сказано в сопроводительном тексте открыточного набора), порадовала «настоящей» шатровой колокольней XVII в. Здесь уже не бы-

ло вычурности Введенского собора, наоборот – строгая церковная традиция позднего Средневековья. Именно так я ее воспринял, так как вспомнил виденное в Суздале и Владимире. Практически ничего лишнего, а шатер просто великолепен. Существует некоторый диссонанс старого кирпича и черной жести с недавно выкрашенным голубым крестом и белой главкой (должно бы быть золото), но они вносят свежую струю. На самой церкви не было ни главки, ни креста.

Где-то среди деревянных строений, говорят, существует даже музей Сталина – дом, где Джугашвили жил в ссылке между двумя революциями. Воистину от времени нигде не скрыться! Среди этой патриархальной старины вдруг музей советского вешателя. Но на Сталина у нас уже времени не было, хотя, судя по открыткам, это не столько музей революции, сколько музей сольвычегодского быта. Мы отправились на городское кладбище, которое по своей структуре и топографии оказалось просто большим сельским кладбищем.

Оно находилось на северной окраине города в сосновом бору с некоторой примесью ели и лиственных деревьев, скорее всего, недавно выросших или посаженных около могил. Посередине кладбища я обнаружил территорию, на которой росло и чисто «кладбищенское дерево» – несколько больших кустов можжевельника. Некоторые из них были высотой до 3 м. Местность была относительно ровная, но по краю основного массива новых захоронений поднималось что-то наподобие гряды или возвышения, поэтому, скорее всего, старая часть кладбища была именно там. Спокойно обойти все кладбище по периметру и четко определить его части не хватило времени, удалось лишь обегать с фотоаппаратом в руках большую его часть, буквально вдоль и поперек, ориентируясь больше на старые деревья, чем на топографические особенности. Это выглядело примерно так: увидев старое высокое дерево, устремляешься к нему, а по дороге снимаешь все, что попадется под руку интересного. Массив леса находится между двумя расходящимися в разные стороны дорогами и настолько велик, что с непривычки легко можно заплутать. Я два раза выходил на вторую дорогу, считая, что нахожусь на первой, т. е. на той, по которой мы приехали, ведь в этих, постоянно меняющих направление перемещениях даже в голову не приходило фиксировать, где находится солнце, т. е. вести себя так, как в лесу.

От купеческого и мещанского кладбища остались кое-где на возвышении каменные памятники из серого и черного камня, некоторые разбитые были сложены снова воедино. На одном из них можно было прочесть: «Здесь покоится прах Александры Карповны Бояринцевой, скончавшейся 9 января 1911 г. 38 летъ отъ роду. От мужа и детей».

Одно из надгробий из черного камня было высотой около 2 м. Обратила на себя внимание каменная плита с «головой Адама» внизу (своеобразно, но со знанием дела вырезанный в камне череп и кости под ним). На плите была выбита надпись, из которой следовало, что под камнем лежит тело титулярного советника Николая Васильева, родившегося в 1791, а почившего в 1829 г.

В основном же надгробные сооружения представляли собой железные и деревянные кресты, железные «тумбочки» (которых, кстати, из всех надгробных сооружений было большинство), некоторое количество тумбочек было деревянным, а также немало было каменных, а иногда железных (сварных из железного листа) вертикально стоящих плит. Деревянных крестов было достаточно много (чего, например, не скажешь относительно Туровца). Крестов «с крышей» мне попало 9 штук. Высота старых крестов была небольшой, от 60 до 130 см. Более новые кресты (без крыши) были несколько выше, до полутора метров, «тумбочки» такой же высоты, между метром и полутора.

Один из старых деревянных, частично разрушенных крестов был с круглыми утолщениями на всех пяти наземных концах. Однажды встретила также и форма ромба (оконечности толстых досок креста были вырезаны в форме ромбов). Что же касается оформления самих могил, то бросается в глаза гораздо большее количество простых земельных холмиков, не обрамленных каменными или железными «ящиками», на могилах — мох и трава, много искусственных цветов и чайной посуды.

На одной из старых могил присутствовали обычный крест, тумбочка и стол. Однако порядок их расположения был не совсем обычным. На самом краю могилы стояла вкопанная в землю деревянная «тумбочка» с выцветшей фотографией высотой примерно 1,5 м, перед ней, ближе к середине могилы, на полметра ниже «тумбочки», крест с «крышей». И уже над самой могилой, вплотную к кресту своей боковой стороной, находился стол высотой с первую перекладину креста. Таким образом, стол был установлен прямо над заросшим мхом и травой могильным холмом, в который были воткнуты искусственные цветы. Столы, установленные прямо над могилами, я видел только в Марий Эл. Во многих местах пищу, принесенную на кладбище для поминовения, кладут на саму могилу, подстелив, например, газету. В Карелии (особенно в южной и средней) известны калмалауды («смертные доски»), укладываемые вдоль могильного холмика, посередине его. На них обычно кладут приносимую на кладбище еду и питье. И обычай этот, надо думать, гораздо древнее, чем столы у могил. Переходным между этими формами можно считать обычай установки стола непосредственно над могилой.

Изучать специально традицию хранения предметов на деревьях или под ними не было возможности, однако кое-что углядеть все же удалось. Обнаружены три привязанных к деревьям старых деревянных креста и три венка на суках на высоте около 2 м и более. Под деревьями традиционно находились деревянные кресты, встретились и две прислоненных к деревьям «тумбочки» синего цвета. В 1,8 м над землей, на суку дерева висел большой голик с почти метровыми прутьями. В развилку сосны с обрубленными до 3 м в высоту ветвями, на высоте более 2 м была уложена толстая двойная клеенчатая ткань белого цвета с бахромой (возможно, использовавшаяся как скатерть).

Что касается общей картины цветов, то можно сказать, что все преимущественно синесветло-серое, с преобладанием синего. Здесь в сравнении с Туровцом еще больше синего и меньше серого и совсем мало зеленого и других цветов. Я обнаружил лишь две зеленых ограды. В одном случае сам памятник, стол и скамья также были выкрашены в зеленый цвет, во втором же внутри зеленой ограды находилось два синих памятника. Редко можно было увидеть и какие-нибудь атрибуты, выкрашенные красной краской. В одной ограде встретилось два простых креста, выкрашенных в кирпичный цвет. В другом месте в железной серой ограде по углам красовались четыре круглых красных навершия. Таким образом, как и на Туровце, обычай использования традиционных цветов здесь была по-прежнему силен, пожалуй, даже сильнее.

Фотоаппаратом зафиксировано 22 дерева с обрубленными топором (кое-где спиленными пилой) сучьями и вершинами. Сфотографировал также десяток разных по длине и ширине затесов на стволах деревьев. Кроме того, на кладбище было довольно много деревьев необычной формы (как

**Раздвоенная сосна-залазь на городском
кладбище Сольвычегодска**

Фото А. Конкка, 2007 г.

правило, с раздвоенным стволом или многоствольные, а также с другими бросающимися в глаза «отклонениями», например, растущими на одном дереве в разные стороны – и вверх и вниз – необычно толстыми и рядом – совсем тонкими ветвями), но я фиксировал только деревья с явными следами обработки, многие из которых были со следами топора.

Средняя высота, на которой обрубались ветки на деревьях, колебалась от 3 до 7 м, но были деревья, на которых ветки были обрублены на высоте 8–10, а в одном случае и 10–12 м над землей. Вместе с тем попало три дерева, у которых вершина была некогда обрезана еще в «младенческом» возрасте, на уровне 1–1,5 м над землей. Два из них превратились в высокие развилстые деревья (сосна и ель). Третий случай напомнил мне встречающиеся иногда на краях старых кладбищ на северо-западе сухие деревья (это почти всегда елки), внешне представляющие собой «ежи» – обрезанные недалеко от земли стволы деревьев с растущими во все стороны (но вновь обрезанными) ветвями. Здесь также, вероятно, на старом краю кладбища (дело в том, что край кладбища в связи с его расширением может постоянно смещаться), находилось два дерева с обрубленными ветвями, а рядом с ними напоминающий засохший куст короткий ствол ели (высотой не более 1,20 м), представляющий собой скопище обрезанных толстых и тонких веток, некогда из него выросших. Здесь были и толстые, направленные вверх ветки, от которых остались комли толщиной до 15 и длиной до 30 см и ветки потоньше с длиной комлей от 25 до 50 см. Таким образом, было ясно, что ветви на этом дереве, после того как однажды на нем была обрублена вершина, обрезались неоднократно. Скорее всего, обрезание ветвей на этом дереве могло быть связано как с новыми похоронами, так и с очередным посещением кладбища в день годового поминального праздника. Возможно, также, что некоторые деревья на краю кладбища были связаны с определенным родом, хоронившим своих покойников на закрепленном за родом или фамилией сегменте или углу общего кладбища (что впоследствии уже не выполнялось) и, таким образом, ветки на этих деревьях обрезались лишь представителями одного рода (так происходило обрезание ветвей на одном и том же дереве). Это по своей типологии напоминает затесы на выходе с кладбища, делаемые на одном дереве, один поверх другого, так как то было на Туровце. Однако многократное обрезание ветвей возможно и на дереве с «нормальным», высоким стволом, что дает повод говорить об особой форме деревьев-знаков на краях кладбищ, т. е. на границе кладбищенской рощи или территории кладбища. На память приходят кладбища в северо-западной Коми, на Удоре, в частности на Мезени, где некоторые из местных деревенских кладбищ окружены, как поясом, из подобных, обрубленных со всех сторон деревьев (правда, высота их может достигать 3–5 м, но, как правило, не более).

На одной из старых сосен были обнаружены глубокие заросшие затесы, один из которых тянулся почти от самой земли и был длиной около 1,5 м. Примерно на той же высоте на уровне головы человека на стволе явно было видно кольцо веток, обрезанных почти под корень (несколько коротких комлей вокруг ствола). Через 0,5 м картина повторялась. Причем на месте обрубания ветвей на стволе образовались круговые наросты. Таким образом, ствол в двух местах значительно утолщался. Выше утолщений, примерно от 2,5 м и далее вверх по стволу, несколько веток были обрезаны, но две ветки по бокам оставлены в целости. Еще выше был часток из веток — неровные, разной толщины ветки росли одна вниз, другая вверх. По этому поводу следует заметить, что, судя по всему, особенно длинные комли обрезанных ветвей или нетронутые ветви среди соседних обрезанных были оставлены не случайно. Некоторые из них указывали или на могилу или на дорогу (город), т. е. туда, откуда на кладбище привезли покойника. По финским материалам известно, что на карсикко неофита иногда оставляли нетронутые ветки для указания направления, откуда прибыл человек, для которого делались меты на дереве.

На выезде с кладбища, на развилке дорог, на небольшом песчаном бугре стояла старая, хотя и не особенно высокая, коряжистая сосна, ствол которой был весь испещрен затесами и зарубками различной величины. Помимо прочего, древесина дерева была витой, а вместе со стволом закручивались и сделанные на его поверхности затесы. Четыре толстых нижних ветки дерева были обрублены, причем самый длинный комель, до 1,5 м, был оставлен со стороны кладбища. Несомненно, местоположение этой сосны способствовало ее многократному затесыванию и обрубанию. И сейчас под сосной лежало несколько разнообразных бутылок. Так трансформировалась традиция прощания с покойным.

Посетив могилы Алексея Николаевича (1899–1955) и Марии Степановны Абакумовых (1903–1948), родителей мужа Лидии Дмитриевны, наша компания была готова возвращаться в Сольвыгодск. Нас ждал Благовещенский собор, который оказался по совместительству историко-художественным музеем. На доске, висевшей перед входом на стене собора, надпись: «Памятник архитектуры. Благовещенский собор 1583». В тексте к набору открыток, купленному в соборе, было написано, что строительство собора велось в 1560–1584 гг.

Собор оправдал ожидания. Часть экспозиции музея была закрыта, и нам показали лишь подвальные помещения, в которых кое-где стояли витрины с вещами: колоколами и бубенцами, изразцами и пр. Популярностью среди посетителей пользовался каменный мешок, карцер 400-летней давности.

Экскурсовод Наташа выглядела простой деревенской девушкой, но от этого собор почему-то получал дополнительную проникновенность. Мы с Андреем стояли посреди всего этого золота паникадил, царских врат и икон XVII в. и смотрели вверх. Там, среди небесных росписей, сделанных на какой-то безумной высоте, обитало что-то неземное: возможно, боги, ангелы или духи, но взгляд определенно завораживало. Одно из объяснений этого эффекта, вероятно, связано с узостью или кажущейся узостью пространства, уходящего к куполам. В соборе хотелось быть и проникаться его тайной. Здесь, несомненно, можно было зарядиться частичкой вечной энергии. Но кто все это создал? Из тех времен имена строителей, как правило, не доходят. Остается только склонить голову и счесть собор коллективным фольклорным произведением.

Вечером в Шипицыно состоялась встреча с родственником Андрея Сергеем. Было много шуток и застольных песен, сидели шипицынские друзья Лидии Дмитриевны, а Сергей исполнил даже несколько песен под гитару, что нас сильно порадовало.

6 июля

Поездка в Вонгоду

Ближе к середине дня выбрались в Вонгоду, стоящую на горе, отдельно от других населенных пунктов, деревню. Где-то под горой протекала река того же названия, которая в конечном счете впадала в Северную Двину. День был великолепный, солнце сияло, и с горы были видны синеватые дали – что-то наподобие гряды или холмистой цепи на горизонте. Умели раньше люди поставить деревню в нужном месте. Гора, скорее всего, обеспечивала защиту хлебов от заморозков и давала, когда-нибудь в средние века, стратегические преимущества во время набегов врага, но и сам вид деревни, за домами которой открываются несметные дали, не мог не вызывать эстетического удовлетворения. Было что-то мифологическое в этом парящем в небе поселении.

Ничего мифологического не было только в деревенской церкви. Двухэтажное, частично даже трехэтажное строение церкви несомненно было видно издалека. Но даже силуэт ее говорил о полном разрушении и запустении. Церковь была без главки и без крыши, сквозь окна верхних этажей просвечивало синее небо, а на углах и остатках крыши росли небольшие деревца. Части стены не было вовсе, там зиял большой пролом. Вид был как после сильного землетрясения. Разрушение это выглядело особенно мрачным на фоне вечно молодой и прекрасной природы.

В деревне было довольно много деревьев, а дома располагались совершенно свободно. Более всего было фасадов, на которых красовалось три

окна (варианты: по два и по четыре окна). Вообще дома разнообразны по величине, были дома и по пять окон на боковой стороне. В домах было что-то свое, родное, будто их перенесли откуда-нибудь из средней Карелии. Улиц не было, была только дорога, опоясывающая гору и забегающая во всякого рода проулки. На задках одного из дворов стояла высокая лиственница, у которой от средней части ствола, на высоте примерно 7 и 8 м, на расстоянии около метра друг от друга отходили в противоположных направлениях две очень толстых ветви и изгибались вверх к вершине. Ниже были обрубленные сучья, но в сравнении с этими гигантами их комли издали практически были не видны. Были и другие деревья, претендующие на роль залазных. Отснял около пятидесяти кадров.

7 июля

Всю нашу поездку можно было бы назвать «поездка по святым местам», и по большей части это было бы правдой. Решено было занять каждый день обязательными поездками по окрестностям, используя выданное в наше распоряжение такси. Идея была продуктивная и в этих обстоятельствах вполне толковая. Этот день был посвящен находящемуся в 60 км от Котласа *Великому Устюгу* (ударение на первом слоге, когда мы было захотели перенести ударение на второй, наш водитель Руслан тут же нас поправил). Побывали также в д. *Вондокурья*.

Ныне Великий Устюг называют «родиной Деда Мороза» и рассказывают, что это была идея московской мэрии, которая все это и спонсирует. Идея известная. Этих «родин» Санта-Клаусов сейчас уже в мире с десятком и даже в России, мне кажется, не одна.

Сам Великий Устюг не показался мне Великим, но белокаменные его церкви были действительно великолепны. Наоборот, я увидел тихий, в основном двухэтажный город (правда, мы были только в центре), в котором в принципе был сохранен дух старины (хоть и с налетом дешевой новизны туристического центра), так что, может быть, и от «дедморозовой родины» есть прок. К сожалению, не видел города раньше, так что не с чем сравнивать. В плане сохранения «духа» все ведь в конечном счете зависит от местных людей: учителей, краеведов, старожилов, если они есть.

На набережной стоит Никольская и Богоявленская церкви, а церковь Вознесения, самая видная из них, – на главной улице. Все церкви постройки XVII – XVIII вв. Где-то была еще парочка монастырей. На другом берегу Сухоны тоже возвышались купола и звонницы. Искать краеведов и экскурсоводов у нас не было возможности, да, собственно, это не входило в наши планы. Экскурсия по городу завершилась заходом в парочку сувенирных лавок и отдыхом в прибрежном кафе. День выдался довольно жарким.

**Церковь Вознесения
в г. Великий Устюг**
Фото А. Конкка, 2007 г.

Среди малозаметных, скрытых растительностью деревянных домиков д. Вондокурья внезапно перед нами выросла большая кирпичная церковь. Размеры этих церквей постоянно поражали мое воображение. Надо думать, что паствы было достаточно, деревни были густо населены, да и находились они одна подле другой. Стоило бы увидеть документы по какой-нибудь переписи населения в местных волостях.

В местной церкви нас посетило нечто вроде тихого катарсиса. Бродя под сводами первого этажа и наблюдая надписи на стенах и дыру в стене, мы не могли не заметить, что кто-то пытался привести помещение в «божеский вид»: помещение было убрано, а вдоль стен сложены остатки деревянных частей церковного интерьера. Мы

сидели на подоконнике сводчатого, забранного ажурной (еще церковной) решеткой окна, из которого на пыльный, покрытый землею пол падал сноп солнечного света, и взирали на все это с каким-то необъяснимым волнением. Что-то происходило или могло произойти в наших грешных душах.

8 июля

С утра шел дождь, который местами был достаточно сильный, и решено было не отправляться, как планировалось раньше, на реку *Виледь* (в соседний *Вилегодский район* на крайнем востоке Архангельской области, на границе с Коми), так как ехать примерно 100 км и рисковать, надеясь на улучшение погоды, не стоило.

Погода в конечном счете исправилась, но уже ближе к обеду. Поэтому с утра поехали в Котлас, встречаться с родственниками Андрея. Первой была Лариса. На этой встрече в городе, на пятом этаже многоквартирного современного дома, Виледь тем не менее незримо присутствовала, отец Ларисы был оттуда родом. Лариса была светлее других родственников как волосами, так и кожей. Тонкая талия, светло-голубые глаза с зеленцой, овальное лицо с круглым подбородком выдавали уже какую-то другую породу, непохожую на котласскую. Она, по собственному утверждению, была верующая, но икон в доме я не увидел.

Рассматривая старые фотографии, обнаружили фотографию деда Пысина, общего родственника. С ним была связана семейная драма – во время войны он был расстрелян в штрафбате. По этому поводу у Лидии Дмитриевны имелись бумаги из архива Минобороны, высланные ей через архангельский клуб «Поиск». Старую, испорченную временем фотографию, современными компьютерными методами вполне можно вычислить и сделать как новенькую.

Все завершилось сидением в квартире у Руслана и приходом котласской родни. Более всего контактировали с общительной Катей, преподавателем школы. Песен и рассказов про житье-бытье было более чем достаточно. Часть из них, связанная опять же с Виледью, «актуализовалась» на следующий день. Ночевали в Котласе.

9 июля

Поездка на Виледь, посещение с. *Ильинско-Подомское* (центр района) и кладбищ в Ильинском и с. *Никольск*. Насколько мы поняли из рассказов местных жителей, в этой части района (южной) других кладбищ не было, хоронили либо на Ильинском, либо на Никольском погостах. Расстояние между ними – 25 км.

Однако рассказ про Виледь стоит начать издалека, так как влияние ее мы ощутили еще тогда, когда приняли решение туда ехать. На Виледь собирались три дня. В один день поездка отложились по техническим и бытовым причинам, а во второй, как уже говорилось, с утра лил дождь. Наконец, на третий день (09.07), когда решили отправиться прямо от Руслана из Котласа, в машине внезапно потек бак. Пришлось менять, на что ушло два часа. По дороге заехали к Кате домой в Вычегодск (она была на Виледи с нами), и в этой суете я впервые в жизни оставил свою куртку с фотоаппаратом и блокнотом, отправившись «на объект» пустым. Обнаружили это через несколько десятков километров, но сам же я решил, что это нас путает виледский бес и возвращаться не будем. Тем более что у Андрея был фотоаппарат. Но на первом же кладбище выяснилось, что карта в фотоаппарате оказалась полной (успели снять пару десятков кадров в Ильинском и несколько кадров на кладбище в Никольске). Такие вот зловключения. Более того, когда ехали сюда, нам казалось, что мы обладаем информацией про некий монастырь или «пустышь» с купальней. Сие святое место было популярно также у многих жителей Котласа, которые специально ездили сюда окунуться в воду. Позже выяснилось, что поехали мы по другому берегу реки. Мы вначале пытались искать, пока не поняли, что это бесполезно, особенно после того, когда одна местная бабушка в Ильинском сказала, что она и не слышала о таком (кстати, по

антропологическому типу она выглядела как типичная жительница Олонечкой губернии). Виледь нам своих тайн так и не раскрыла. Поэтому беспрепятственное посещение кладбищ можно считать большой удачей.

Дело в том, что еще во время сидения в Котласе женщины (Катя, Валентина и Лидия Дмитриевна) рассказывали нам много интересного про колдовскую Виледь. Говорят, что колдунами она славится издревле. Рассказывали о мужчинах, прибывших на Виледь по каким-нибудь делам, но оставшихся там навсегда – женились не без помощи колдовских чар на местных женщинах. Причем вилегодская семейная жизнь имела свои странности: околдованные мужчины там становились домохозяйками – ухаживали за скотом, мыли посуду, ходили дома в фартуках и пр. Таким образом, давали нам понять рассказчицы, колдуны-виледчанки использовали их в своих интересах. Были нам даны и практические советы по поведению в поездке: перед дорогой на макушку надо посыпать соли, по возможности (особенно при разговоре с вилеготскими жителями) держать кукиш в кармане, а руки или ноги скрещенными между собой.

Возможно, наши неурядицы происходили именно потому, что мы легкомысленно не следовали советам умудренных в этих делах людей. Тем не менее добрались до Ильинско-Подомского без особых на этот раз приключений, правда, погода впоследствии шла за нами наперегонки, угрожая огромной черной тучей, но нам удалось без помех осмотреть оба кладбища, что и оставалось единственно возможным делом после «провала» с монастырской купальней. На Виледи, как нам давали понять в Котласе, и знать-то нельзя, как дело повернется.

Первые карсикко встретились у церкви-новодела в конце с. Ильинское с восточной и западной ее стороны: развилистая сосна с обрезанными на высоте до 4 м ветками (на стволе оставались их комли от 20 до 60 см длиной) и две сосны у тропы, идущей от дороги к ряду домов мимо амбаров, на которых ветки были обрублены на высоте от 7 до 10 м над землей. Амбары не были очень старыми, но выглядели вполне традиционными сооружениями, такие встречаются и поныне в деревнях коми. Упомянутый ряд домов представлял собой пример использования традиционных цветов, тех же, которыми красят на кладбище надгробные памятники и ограды. У амбаров стоял дом, на фасаде которого было три окна, стены его были покрашены в желтый цвет, но широкие доски по углам (обшивка торцов бревен), фронтон и штaketник вокруг дома были выкрашены синей краской. Фасад, кстати, был украшен «полотенцами» и ветреницей также синего цвета. Слева от амбаров стояло еще пять невысоких одноэтажных домов, как мне показалось, совершенно одинакового размера. На фасадах домов было по три окна. Все дома были выкрашены в синий цвет, лишь третий в ряду был покрашен зеленой краской, а у пятого была кир-

пичного цвета крыша. Штакетник вдоль фасадов домов был синего и зеленого цвета. Все цвета были интенсивные, яркого и глубокого оттенка, строения в хорошем состоянии, кстати, как и амбары, отчего виденный ряд домов производил откровенно праздничное впечатление.

Когда зашли в магазин, то обнаружили там продавщицу, которая очень походила на котласскую светлоглазую и светловолосую Ларису. Это был тот же тип. Помню, что тогда у меня мелькнула мысль: так или примерно так, наверное, выглядела летописная чужь (кстати, подобный тип был описан у братьев Соколовых в «Сказках и песнях Белозерского края»). Как стало известно позже, некоторые авторы относят виледчан по происхождению к коми, а некоторые колеблются между коми и чуждью. Я, скорее, склоняюсь к последнему. По-моему, в самом Котласе больше комяцкого, а вернее сказать, пермяцкого, чем на Виледи. То, что у виледчан имеется зырянская кровь, не может вызывать особых возражений, ведь коми еще недавно жили на этих территориях, но это не обязательно означает, что здесь не могли сохраниться какие-то группы по происхождению своему дозырянские. Подтверждением этому может служить и неоднородность русского населения Севера в целом. Впрочем, и зыряне бывают разные, стоит вспомнить хотя бы северо-западных, удорских, коми, в культуре которых есть карельские черты.

Кладбище в центре Ильинского погоста находится примерно в километре-полтора от старой разрушенной кирпичной церкви, около которой когда-то, конечно же, тоже было кладбище, но видимых следов его (как и больших деревьев) не сохранилось. Проехали мимо. В нескольких сотнях метров от аллеи с памятником героям войны виднелся сосновый лес. В этом лесу и находилось кладбище. Первыми встретившимися там людьми были два милиционера, осматривавшие два или три поваленных памятника. Мы направились в глубь кладбища, где к отдельно стоящим соснам в начале его прибавился густой лиственный подрост, разного размера ели и молодые березы. Старая часть кладбища находилась у дороги. Общей ограды не было.

Короткого времени пребывания на Ильинском кладбище тем не менее хватило на то, чтобы зафиксировать традицию вырубания карсикко. Встретилось несколько зарубок на стволах и несколько деревьев с обрезанными сучьями. В самом начале кладбища глаз выделил пять сосен, у которых были обрезаны ветви. Почти сразу же обнаружились две ели с затесами на стволах. Следующая была сосна с обрезанными до 4 м в высоту ветками. При этом толщина и направление роста верхней обрезанной ветви говорило о том, что некогда у дерева была обрезана одна из двух вершин. На фоне леса выделялась сосна с двумя вершинами (развилка в 9–10 м от земли).

На стволе ее (от земли до развилки) я насчитал 12 направленных в разные стороны и разной длины комлей от отрубленных ветвей, длина которых колебалась от 30 см до 1 м. Одна длинная ветвь на южной стороне дерева осталась нетронутой. Несколько деревьев имели неправильную форму, а еще некоторые раздваивались на разной высоте.

Помимо довольно тонких каменных и железных плит, стоявших на могилах, было несколько каменных крестов, деревянных надгробных сооружений обнаружено не было. В развилке двух елей на высоте около метра от земли хранился голик. Преобладающим цветом был синий (железные кресты, ограды, столы, скамьи), часто встречался также серый (ограды, каменные кресты, каменные памятники). Реже попадались зеленые ограды, один раз встретилась ограда, выкрашенная в желтый цвет.

Кладбище с. Никольск располагалось вдоль автомобильной дороги, на ровном песчаном месте в сосновом бору. На другой, левой, стороне дороги, чуть поодаль, метрах в двухстах, начинались деревенские дома. Длина кладбища была примерно 150 м, а в глубину – около 80 м. Среди вольготно стоящих старых толстых сосен подрастали сосны поменьше (до 50 лет), местами была видна и совсем молодая поросль.

Кладбище было классическим образцом «залазной рощи». Все сосны постарше (некоторые образцы возрастом 150 лет и более) имели следы обрубания сучьев, на некоторых сучья были обрублены со всех четырех сторон на довольно большую высоту (от 5 до 10 м). Всего же деревьев с обрубленными сучьями я насчитал 60–70 штук. Довольно много встретилось и деревьев с затесами и зарубками на стволах. В целом же деревьев с обрубленными ветками больше, чем деревьев с одними только зарубками, но встречается и то и другое на одном дереве. Если суммировать, то можно сказать так: практически все сосны постарше представляли собой карсикко с обрубленными ветвями, из них примерно на четверти можно было обнаружить зарубки на стволе. Помимо того, затесы встречались и на относительно молодых соснах, где ветки не были обрублены. Форма карсикко с обрубанием ветвей здесь явно преобладала.

Встретились интересные формы затесов. Одна из них была сделана в форме «клина» или «гребня»: ствол дерева отесан с двух сторон так, что между двумя затесами, расположенными под острым углом друг к другу, оставлен выступающий между ними «гребень». На одном из прямых затесов, на его выровненной топором поверхности, обнаружены две поперечные косые прорезы. Затес зарос с краев, как это часто бывает на соснах (особенно в случае узких и длинных по форме затесов), и поэтому неизвестно, было ли на нем вырезано что-либо еще кроме двух хорошо видимых желобков. География такого типа знаков широка, хотя количе-

ство их и невелико. Косые прорезы и черты на затесах встречались на территории от северной Финляндии и северной Норвегии до северного Белозерья и Кенозера, а также были зафиксированы в Поволжье, в Куженерском районе Марий Эл. Трудно сказать, имеют ли они отношение к родовым знакам, но теоретически это возможно.

Здесь, как и в Комарице (см. выше), на комлевой части сосен были видны следы огня от зажигаемых в корнях (или на стволах) деревьев свечей. Это был уже второй за эту поездку связанный с деревьями случай использования огня в похоронном обряде, что говорило о том, что эта древняя традиция в здешних краях бытовала еще недавно.

Что касается намогильных памятников, то времени их исследовать, к сожалению, не было, пришлось ограничиться лишь беглым взглядом. На восточном краю кладбища, уже направляясь к выходу, обнаружил возвышающееся над могилой двухметровое сооружение – толстый четырехгранный столб (около 30 см шириной), заканчивающийся навершием в виде вытянутой «луковицы», если иметь в виду церковные главки, к которым, конечно же, данное намогильное сооружение не имеет отношения. От него веяло древностью и напоминало старые зырянские и пинежские намогильные столбы (возможно, с антропоморфными в основе своей формами), фотографии и рисунки которых видел в журнале «Живая старина». На столбе друг под другом были укреплены две металлических дощечки с именами мужчины и женщины, годы смерти которых были соответственно 1941 и 1942.

Что касается цветовой гаммы, то кладбище выглядело гораздо менее «цветным», нежели в Ильинском, где, кстати, все было в рамках традиции: главный цвет – синий, гораздо меньше зеленого, еще меньше красного и желтого, не считая серой серебрянки для покрытия металлических поверхностей – моды 1970–1980-х гг. Большая однородность цветов на кладбище в Никольске, видимо, объясняется несколькими причинами. Во-первых, могилы располагались свободно, места было достаточно. Ощущение было такое, что ты находишься в парке. Во-вторых, было меньше оград, а значит, меньше крашеной поверхности. И в третьих, вероятно, больше неокрашенных памятников и крестов. Все эти факторы, кстати, указывают на более раннюю традицию, так обстоит дело, по крайней мере, на Северо-Западе.

9 июля

День был посвящен кладбищам г. Котласа. С компанией родственников Андрея были на *новом городском кладбище* и на *старом котласском кладбище Макариха*, где покоились и останки умерших в пересыльном лагере, бывшем некогда где-то поблизости.

**«Кормушка» на дереве на новом
городском кладбище г. Котлас**

Фото А. Конкка, 2007 г.

колют ему глаза. Вдова наняла за пару бутылок водки местных безработных граждан, которые обрубили все до одной ветки, после чего дерево засохло. Интересно, однако, что при этом дерево не срубили. Получилось, своего рода, классическое карсикко умершего (у которого иногда отрубают всю верхнюю часть и дерево засыхает).

На деревьях в других частях кладбища были обнаружены различные предметы. Одним из них была табличка (15 x 20 см) из белого металла с именем ребенка, прибитая на высоте человеческого роста к сосне, растущей внутри могильной ограды (могила с каменным надгробием), на суку той же сосны – пластиковая черного цвета игрушка. На двух стоящих неподалеку соснах к стволам на высоте 2,5 и 2,2 м были привязаны лоскуты белой материи. В другом месте ствол сосны на высоте 1,6 м был перевязан белым лоскутом шириной 5 см. На этой же сосне на высоте человеческого роста на толстой длинной ветке на расстоянии 3 м от ствола висели белый и красный лоскуты материи длиной около 60 см. Высота от земли составляла примерно 1,7 м. На другой сосне вместо материи на уровне вытянутой руки вокруг ствола был завязан белый полиэтилен. Так же

На новом городском кладбище рос молодой сосновый лес (30–50 лет) с лиственным подростом, встречались и отдельные березы высотой до 8–10 м. Кладбище состояло из нескольких частей, разделенных дорогами. На выдающейся своими большими черными плитами «господской» части кладбища не росло ничего. Но на краю, среди могил, я заметил «остов» одинокой (примерно восьмиметровой) ели, ветви которой были обрублены полностью, включая вершину. На мой вопрос Руслан рассказал любопытную историю. В 2004 г. он работал в милиции, и кладбище находилось на территории его участка. Ель была обрублена по просьбе вдовы недавно захороненного военного, который приснился вдове и во сне пожаловался ей, что ветки (ели)

куском материи (вылинявшим белым ситцем с синими и красными цветами) был обвязан высокий косой угол каменного памятника на могиле мужчины 1920 г. рождения. С лицевой стороны он был завязан узлом, и длинные его концы свешивались почти до земли.

На двух соснах в 1,8 м от земли были обнаружены сооружения, которые по форме и размерам соответствуют кормушкам для птиц. Первая представляла собой дощатый треугольник с врезанной в него поперечной доской в верхней его части высотой около 40 и шириной 50 см, снизу его подпирали 2 обрезанных сучка. Вторая «кормушка», находившаяся в 5 м от первой, была примерно того же размера (длина 45, ширина сбоку 30, высота 50 см). Ее двускатная крыша была укреплена на шести столбиках, установленных по три на каждом торце сооружения. Из-под крыши «кормушки» торчала ручка обычной домашней метелки. Снизу «кормушку» подпирал кусок резной доски в виде треугольника, выкрашенный в красный цвет. Посередине доски было выпилено полукружие, поэтому доска напоминала деталь вешалки для полотенец, бывших в ходу еще два-три десятилетия назад. Декоративный красный цвет в виде покрашенных красным набалдашников по углам железной ограды присутствовал и на могиле, к которой относилась данная «кормушка». Впервые я встретил подобные «кормушки» в Княжой Губе (современная Мурманская область), в северной части Карельского берега Белого моря. Наличие их в Котласе может говорить о связи с западными территориями, но возможно предположить связь и с коми-пермяками, у которых птицы и их изображения играли в обрядности заметную роль.

Большинство намогильных сооружений на кладбище представляли собой железные кресты и каменные или бетонные памятники, встретилось также несколько серых простых каменных крестов (без косой перекладины) высотой около 1,2 м. Такие кресты обычно называют католическими. Почти всюду на кладбище были видны высокие каменные, железные и деревянные крашенные «ящички» на могилах. Многие из них были высотой до 30 см. Могила Клавдии Петровны Пысиной находилась на участке кладбища, на котором практически не было оград, зато у многих могил были установлены (вдоль них) высокие «ворота» или «арки» из тонких железных труб прямоугольной формы. Одни из «ворот» были черного цвета (как и ограда) шириной 1,5 и высотой 1,3 м с дополнительной перекладиной внизу. Однако «ворота» могли совмещаться и с оградами. Всего я видел 7 «ворот», но, вероятно, при детальном обследовании их нашлось бы больше. Подобные сооружения (ворота над входом в могильную ограду) я еще в 1970–1980-е гг. встречал как в северной, так и в южной Карелии, позднее в Ленинградской области, в северном Беломорье, на Кенозере и в северном Белозерье, в последних двух случаях на них висели венки. Здесь они были пустыми.

Сфотографировал поминальную пищу, разложенную на могиле родственницы сопровождающих нас женщин Капитолины Дмитриевны Сесюниной (1931–1997). Перед уходом Лидия Дмитриевна насыпала между двух соседних могил на земле и на столике соседней могилы пшено в виде шестиконечного православного креста. На многих могилах имелись блюда, куда складывали при посещении «помин»: стряпню, конфеты, бутерброды, а также ставили (по современной моде) пластиковый стакан с квасом или водкой. Например, на могиле Антипа Леонтьевича Тиунцева (1927–1997) на белой тарелке с синей каймой (ср. традиционные цвета) были оставлены стопка водки и бутерброды белого хлеба с рыбой и сыром. Таким образом, по крайней мере, пшено, хлеб, выпечка и рыба продолжают бытовать как поминальная пища и сегодня, хотя количество приносимой на могилы стряпни, в том числе и традиционных рыбников, сильно поубавилось (с целью изучения сохранения традиции надо бывать на кладбище в Радуницу и Троицу).

Преобладающий в гамме цветов на новом котласском кладбище, как и на других вышеописанных кладбищах, синий (в основном темно-синий, частично голубой), который, судя по всему, был на территории всей таежной Северной Европы традиционным цветом, связанным с потусторонним миром и севером (по многочисленным свидетельствам именно север был связан с миром мертвых). Довольно много было также серого, общий фон – сине-серый с вкраплениями зеленого и черного.

Кладбище Макариха, на котором не хоронили уже около 50 лет, находилось недалеко от центра города. Первое, что бросалось в глаза, были большой каменный памятник и несколько новых надгробных плит – дань памяти заключенным-полякам, погибшим в котласских пересыльных лагерях. Их установила несколько лет тому назад приезжавшая из Польши делегация. Таблички с именами погибших были прибиты даже к соснам на значительном (некоторые – в 8–10 м) расстоянии от земли, что (после того как я обратился на это внимание) вызвало недоумение и даже порицание моих спутниц, считавших, что так портятся деревья (вероятно, это была реакция, связанная с традицией запрета портить и вообще трогать деревья на кладбище).

Видимая центральная часть кладбища (по обе стороны в отдалении начинались лиственные заросли) была шириной 100 и длиной около 200 м. Общая длина кладбища осталась невыясненной (кладбища часто состоят из нескольких частей, отделенных друг от друга перелесками), так как на полное обследование времени не хватило. Северная часть представляла собой площадку с несколькими возвышениями и всю поросшую сосновым (а по краям и еловым) лесом. Небольшое количество сохранившихся надгробных сооружений позволяло беспрепятственно бродить в этом кладбищенском парке. В северной части кладбища лиственного подраста практически не было.

Средняя высота старых деревьев была 20–25 м. Нижние ветви до 10 м от поверхности земли почти везде были обрублены топором. Количество старых сосен с обрубленными ветками здесь было еще большим, чем в Никольске, вероятно, приближалось к сотне. На одном снимке, сделанном на центральной тропе, можно различить сразу семь карсикко. На каждом дереве было отрезано примерно по 10 нижних веток на высоте 8–10 м (комли их имели длину от 20 до 50 см). При этом более длинные комли находились на южной стороне деревьев. Несколько большим, чем в Никольске, было и количество затесов на стволах сосен.

С северной стороны через гущу смешанного леса к кладбищу подходила широкая тропа (возможно, старый въезд), обрамленная старыми деревьями с обрубленными ветками и зарубками на стволах. На раздвоенной сосне с обрубленными сучьями, на уровне примерно 1,5 м от земли под развилкой был сделан затес длиной около 30 см, на поверхности которого было вырезано три косых линии одна над другой. Вокруг затеса слева, справа наверху и справа внизу были вбиты три толстых кованых гвоздя. Гвозди «смотрели» в разные стороны от затеса (забиты под разными углами) и были вбиты в дерево не до конца. По ширине шляпки отличались одна от другой (от 1,5 до 2 см), гвозди были, скорее всего, самодельные, выкованные на какой-нибудь частной кузнице.

На восточном краю кладбища вдоль оврага (по рассказам местных жителей именно там, в низине, находился один из пересыльных лагерей) стояло в ряд около 20 сосен-карсикко (возраст от 80 до 150 лет) с обрубленными ветками, затесами на стволах и следами огня на поверхности зарубок. В целом обнаружено не менее 50 деревьев (сосен) со следами огня. Таким образом, на Макарихе (особенно в ее восточной части, где почти все деревья были с «подпалинами») количество сосен со следами огня на их комлевой части было значительно больше, чем на кладбище с. Никольск.

Количество сохранившихся или подновленных намогильных памятников было небольшим — несколько старых железных крестов и оград и ухоженных могил с выкрашенными в синий цвет оградами и крестами или намогильными плитами. Цвета распределялись следующим образом: сначала шел синий, затем (по убывающей) зеленый, желтый и красный.

Время идет, и незаметно наступает последний день поездки. Надо заканчивать дела и бросить последний взгляд на Котлас. Вечером в Шипицыно нас ждет прощальный ужин с пирогами и купание в Северной Двине.

11 июля

Обратный путь проделали на автомобиле. Он занял целый день, но по времени оказался в два раза короче, чем путь по железной дороге. В Петрозаводск прибыли, проехав около 1200 км, примерно в десять

часов вечера. От голода мы были надежно защищены – тетя Лида напекла на дорогу целый пакет шипицынских шанег.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. например: *Конкка А. П.* Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. *Он же.* Карта сакральных мест: в поисках утерянных ориентиров // Водлозерские чтения: Естественно-научные и гуманитарные основы природоохранной, научной и просветительской деятельности на охраняемых природных территориях Русского Севера. Петрозаводск, 2006. *Он же.* Дерево у могилы. Функции дерева-знака в погребальном обряде северо-восточной Карелии // Вестник исторического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб., 2007. № 3. *Он же.* Марийские деревья-знаки: маркеры сакральных границ // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 2007. № 4.

М. В. Пенькова, Д. Ю. Ефремова, А. П. Конкка

МАТЕРИАЛЫ ПО ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ МАРИЙЦЕВ (священные места и природные духи)

Данные материалы собраны в экспедиции 2006 г. в общей сложности в 8 районах Марий Эл (грант РГНФ «Деревья-знаки в ритуальной и хозяйственной практике населения Марий Эл» 06-01-18080е). Цели и задачи, а также основные результаты исследования деревьев-знаков подробно освещены в статье одного из авторов¹. Параллельно с этнографическим и археологическим исследованием почитаемых и жертвенных мест – кладбищ, священных рощ, родников, а также гор и озер (жертвенный комплекс Большая гора и священное озеро Шумьер в Звениговском районе) – в населенных пунктах фольклористом М. В. Пеньковой велась работа по выяснению современной и былой роли священных мест в обрядовой жизни населения, собирались сведения о календарной обрядности и представлениях марийцев о природных и домовых духах. Записывались предания о происхождении поселений, в материалах также имеются некоторые сведения о погребальной обрядности и представлениях о душе крещеных и некрещеных марийцев. Тексты располагаются по районам республики в том порядке, в котором в них проводились полевые исследования. Предваряют публикацию полевых материалов заметки М. В. Пеньковой о мифологических персонажах марийцев, описанных в рассказах наших информантов.